

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Е.А. Лаврухина, *кан. филос. наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ*

О том, что социологические и статистические исследования являются ключевыми методами оптимизации процессов управления всех уровней, написано достаточно теоретических и прикладных работ¹. Априори, институт статистики и социология имеют четкое разделение по задачам и методологии деятельности. Общественное мнение, выраженное в отношении к чему-либо, категориях намерений, возможностей, перспектив, оценок и т. п., изучаемое социологией, и точность количественных данных статистики, гарантирующих адекватность управленческих решений всех уровней власти и во всех отраслях, - это две реальности, которые не должны подменять друг друга.

Однако сотрудничество этих двух систем получения информации о реальности имеет место быть: традиционно социологический инструментарий используется на первоначальных этапах формирования статистического наблюдения: в ходе интервью, фокус-групп, пилотных опросов целевой аудитории. Это позволяет операционализировать содержание будущих статистических запросов в части понятийного и логического аппарата. На этом роль социологии в статистике обычно считается выполненной. В свою очередь социология использует статистические данные как основу для создания выборок, а также широко применяет статистическую информацию при социологическом анализе той или иной социальной реальности. Но такое разделение науки и практики этих двух областей знаний становится условным тогда, когда об объекте или социальном субъекте изучения необходимо получить полную картину. Когда мы сталкиваемся с той самой задачей из теории множеств: «Каких мальчиков ростом выше 170 см в классе больше: умных или красивых?». По аналогии с данной задачей хотелось бы описать и существующую проблему: там, где мы сталкиваемся с пересекающимися множествами, принятие управленческого решения начинается в равной мере зависеть не только от имеющихся статистических данных, но и от

качественной информации об объекте применения решения.

Усложняющаяся социально-экономическая реальность требует от ее исследователей новой методологии, сочетающей в себе классические и синтетические подходы. Так, Комиссия по замерам экономической деятельности и социального прогресса, основанная в 2008 г. президентом Франции Николя Саркози (Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress) и обменивающаяся данными с Евростатом, начала свою работу с разработки трех направлений измерений, касающихся замера социального прогресса, где экономический прогресс - только часть общего развития общества. Так экономическая статистика стала приобретать социальное лицо.

Первым направлением исследований был пересмотр традиционного индикатора прогресса: ВВП (GDP) в ракурсе социального развития. Вторым направлением - жизнеспособное развитие и окружающая среда как ключевые косвенные факторы развития, а также то, как экономическая деятельность и социальный прогресс на это влияют. Третьим направлением деятельности Комиссии стало исследование качества жизни, включающее разработку методик, позволяющих определить: как люди себя в действительности *чувствуют* в отношении своей жизни и своего благосостояния². В чем же здесь ноу-хау? Дело в том, что в течение 60 лет валовой внутренний продукт был как бы мерил (аршином), с помощью которого измерялся мир и понимался экономический и социальный прогресс. Тем не менее оказалось, что это мерило не справляется с пониманием тех факторов, которые составляют разницу в человеческих жизнях и вносят свой вклад в их счастье. Это такие факторы, как безопасность, отдых, распределение дохода, чистая экология, то есть то, что и должно как раз непрерывно сопровождать человека и поддерживать его стабильную жизнеспособность.

¹ См.: Лебедев А.А. Социологические исследования как метод оптимизации процесса управления...: автореферат дис. канд. социол. наук. Нижний Новгород, 1988. С. 18; Шепель В.Н. Статистическое моделирование принятия решений в сельскохозяйственных предприятиях: диссертация... д-ра экон. наук. Оренбург, 2005. - 357 с.

² <http://www.scribd.com/doc/19784660/Happiness-and-Measuring-Economic-Progress-by-Joseph-Stiglitz>

Большинство согласится с тем, что деньги - это еще не все ценности в жизни, но навряд ли мы сегодня встретим единое мнение или общепринятое определение относительно «качества жизни». Предпринималось много попыток замера посредством поиска объективных путей для характеристики того, что является, по сути, субъективным понятием. Последние прорывы в различных социальных науках и в статистике тем не менее указывают на то, что все же существуют надежные и повторяющиеся, неединичные пути выяснения определенных аспектов благосостояния и качества жизни, в частности на основе выявления субъективных восприятий такого объективного явления, как деятельность в рыночных (экономических) отношениях.

Так, рабочая группа, возглавляемая Алланом Крюгером из Университета Принстон, ныне ведет поиск метрик и методик замера факторов, которые обеспечивают ценность жизни в ее деятельностных проявлениях. Во-первых, они начали с поиска сложных составляющих замеров качества жизни путем сбора объективных индикаторов, основываясь на личном опыте в отношении хорошего здоровья, должного образования, политической свободы, насилия, угнетения и т. д.

Во-вторых, они исследуют то, как люди проводят свободное время и насколько они счастливы от того, чем они занимаются каждый день. Теоретически даже один вид замера может рассказать о качественных геодонических переживаниях деятельности. Гарантированность подхода заключается в том, чтобы запрашивать у людей больше широких, более объемных качественных суждений о жизни в целом. Этот подход может дать простые утверждения, например, что половина Америки «процветает», в то время как другая половина «бьется», чтобы выжить. Этот подход может вывести на большее, чем средний уровень удовлетворенности жизнью в стране, - на вскрытие неравенства в уровнях удовлетворения жизнью.

Кроме того, ими используется метод ранжирования: людей просят оценить важность, которую для них имеют доход, отдых, здоровье, работа, безопасность и т. д. Это позволяет выявить «эквивалентные доходу» факторы, которые можно трансформировать в такие показатели, как: за что, например, люди готовы были бы заплатить, лишь бы получить эти недоходные составляющие своей жизни.

Все описанное выходит за рамки рыночного дохода, позволяя более широко измерить качество жизни. Нобелевские лауреаты Джозеф Стиглиц и Амартя Сен,

которые также работают в комиссии, убеждены, что новые оценочные инструменты объединяют более широкое понимание человеческого благосостояния, чем просто рост отраслей экономики и дохода экономики. Итак, европейскому сообществу уже в 2009 г. были предложены несколько новых путей замера национального прогресса:

1. *Чистый индикатор прогресса (Genuine Progress Indicator)* предполагает использование ВВП (GDP) для понимания изменений в распределении дохода, прибавляя стоимость домохозяйствования и работы на добровольных началах и вычитая, исключая преступления и загрязнение среды, выраженные в неких коэффициентах стоимости потерь.

2. *Замер Межнационального счастья (Gross National Happiness)* включает субъективные и объективные индикаторы, такие, как непрерывное развитие, поддержание культурных ценностей, сохранение естественной окружающей среды и хорошего управления³.

3. *Индекс счастья планеты* сочетает субъективное удовлетворение жизнью, основанное на наблюдениях, на ожиданиях от жизни, и экологический компонент, измеряемый с помощью экологических показателей, которые основываются на сложной формуле, относящейся к эмиссии CO² и использованию природных ресурсов.

Ныне ООН⁴ издает ежегодный Отчет о развитии человечества (Human Development Report (HDR), который включает данные о ВВП по каждой стране - члену ООН, а также замеры по жизненным ожиданиям, образованию, здоровью, питанию, санитарии, доступности чистой воды, дискриминации по полу и распределению доходов. Целью Отчета о развитии человечества⁵ является оценка того, каким образом это развитие влияет на повседневную жизнь. Для замеров Прогресса ООН часто обращается к Индексу развития человечества (Human Development Index (HDI), который сочетает GDP, жизненные ожидания и образовательный уровень⁶. Подобные трансформации в принципах и подходах к оценкам развития общества вызваны глубокими трансформациями в природе государственности развитых стран.

Тенденции в развитии государственности в Европе, США, скандинавских странах, Канаде, Австралии, происходящие в последние десятилетия, требуют все большей надежности, достаточности и гарантированности решений в отношении гражданского общества. Государства стали все больше внимания уделять социальному благополучию своих граждан как самому значительному фактору, снижающему протестные настро-

³ Эта идея привнесена Королем Вангчугом (King Wangchuck) - бывшим правителем Бутан (Bhutan).

⁴ Measuring National Progress. Отчет Организации Объединенных наций. Измерение национального прогресса. <http://prodip.wordpress.com/tag/joseph-stiglitz/-09.08.2011>

⁵ Счастье и замеры экономического прогресса. Отчет комиссии Стиглица. <http://www.scribd.com/doc/19784660/Happiness-and-Measuring-Economic-Progress-by-Joseph-Stiglitz.-10.08.2011>

⁶ Например, страна Оман, в которой очень высокий ВВП на душу населения, но сравнительно низкий уровень образования, ранжируется как 58-я в списке стран по HDI, ниже, чем Уругвай, где ВВП составляет лишь 60% от ВВП Омана, и который ранжируется по этому показателю как 46-й в списке стран.

ния и повышающему эффективность общества во всех сферах жизнедеятельности.

В Конституции Российской Федерации от 1993 г. наше государство также выбрало статус социального, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека: охрану труда и здоровья людей, гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Все перечисленное теперь является предметом регулярных статистических обследований, а получаемая информация становится базой принятия всех текущих и перспективных управленческих решений всех уровней власти в социальной сфере: федеральной, региональной, муниципальной⁷.

Однако категория «социальное государство» в современном мире имеет более глубокое содержание. Современное социальное государство берет на себя обязанность обеспечения не отдельных, сравнительно частных социально-экономических прав и свобод, а их более или менее широкой и целостной системы, а также их реальное гарантирование. Сюда относится то или иное конституционно-правовое регулирование отношений между трудом и капиталом, социальные функции частной собственности, свобода экономической деятельности, повышение уровня жизни населения, борьба с безработицей, охрана семьи, материнства и детства, развитие образования, здравоохранения, социальное обеспечение, экологическая безопасность и др. Решение этих задач достигается на основе социальной ориентации всей многосторонней деятельности государства, а не только благодаря его собственно социальной политике. В действительности, а не номинально социальном государстве человек вправе требовать от него обеспечения, а такое государство возлагает на себя обязанность создания ему нормальных условий жизни. Такое государство и в условиях рыночной экономики обычно проводит ряд мер, частично ограничивающих в данной области свободу экономической деятельности (например, регулирование цен, налогов, страхования и т. д.). Нет сомнения, что реализация концепции социального государства в последние десятилетия позволила серьезно ослабить социальную напряженность в Европе и США на основе расширения среднего класса, снижения бедности и т. д. Однако такое изменение социальной среды требует сегодня совершенно иных подходов к оценке ее состояния. Например, для принятия решения о прожиточном минимуме в России необходима информация не только о состоянии бюджетных возможностей страны, о выполнении в регионах тре-

бований по соответствию реального дохода гражданам утвержденному нормативу, но и о восприятии гражданами этого норматива как достойного их представлениям о минимальных потребностях. Если государственная система не способна учесть этих представлений и получить о них достоверную информацию, то может быть дискредитирована и сама идея прожиточного минимума как регулятора уровня жизни, так и сама власть, его декларирующая.

Современная статистическая система в России дает нам полные сведения о состоянии на конкретный период уровня жизни, образования, здравоохранения, отраслей экономики и т. д., но она не дает системных сведений о том, какой уровень образования и медицинских услуг сами граждане считают достойным. Подобная информация может поставляться социологической службой, но для этого ей необходим сформулированный социальный и государственный заказ.

Современная социология, в значительной степени отделенная от государства в целях повышения ее независимости, свой профессиональный портфель исследований в значительной степени строит интуитивно, зависит от текущих задач заказчика и общих тенденций. На сегодняшний день можно констатировать, что методологически и тематически взаимосвязанные и взаимодополняющие исследования статистического и социологического характера в российской практике можно встретить весьма редко. Хотя именно социология может стать базой для формирования механизма оперативной стандартизации качественных параметров жизни. Для того чтобы бюрократический механизм своевременно изменял норму, необходима не только статистическая информация о состоянии соответствия норме, но и об изменениях требований со стороны общества в отношении данной нормы: большинство устраивает, большинство протестует, большинство не видит в данной норме смысла... То есть достижение высокого уровня социального развития во многом зависит от того, насколько адекватно и своевременно система управления реагирует на изменения общественного мнения и настроений. В этой связи можно декларировать необходимость создания государственной системы взаимосвязанных и взаимодополняющих исследований статистического и социологического характера, выполняемых разными ведомствами и службами, но в единой логике социального и экономического развития российского государства и общества.

В качестве пояснения рассмотрим, например, статистическую информацию о различных аспектах сельского развития и социально-экономической ситуации на селе, которая содержится в различных ведомственных источниках. В мировой практике, в частности Евростата, наблюдение за сельскими территориями ныне скон-

⁷ См.: Конституция Российской Федерации (с изменениями, внесенными Указами Президента РФ № 20 от 09.01.1996, № 173 от 10.02.1996, № 679 от 09.06.2001), статья 7.

центрировалось на данных о качестве ведения сельского хозяйства. В международной практике это термин «sustainable agriculture», что означает продолжительное, стабильное ведение сельскохозяйственной деятельности без истощения природных ресурсов и без нанесения серьезного урона окружающей среде (для сравнения: то же понятие «sustainable» в отношении экономики означает - отсутствие инфляции, обесценивания). Данный подход уже широко используется Евростатом для небольших фермерских хозяйств, для которых сельское хозяйство является основной деятельностью и образом жизни.

В российской статистике и социологии в отношении изучения сельских территорий применяется традиционный отраслевой принцип, с связи с чем в процессе оценки состояния сельских территорий участвуют несколько субъектов управления. А именно:

Основные прямые субъекты влияния на развитие сельских территорий:

Министерство сельского хозяйства РФ - отраслевое министерство, в задачи которого входит собственное комплексное развитие села, то есть не только в экономико-производственном аспекте, но и в социальном;

Министерство социального развития и здравоохранения РФ, которое несет ответственность за реализацию всех социальных программ на селе;

Федеральная служба государственной статистики (Росстат), в задачи которой входит в том числе и статисти-

стическое наблюдение за сельскими территориями в различных аспектах, в том числе проведение Всероссийских сельскохозяйственных переписей.

Можно констатировать: мониторинг состояния сельских территорий (статистический и социологический), как система, требует модернизации⁸.

На текущий момент мнение самой социально обделенной части населения РФ, с точки зрения предоставления различных благ, практически перестало быть объектом изучения. Если сельская статистика, в том числе социальная, медленно, но начинает накапливаться (ВСХП-2006, статистическое наблюдение «Сельское хозяйство» и т. п.), то блок социологических исследований о намерениях, возможностях, перспективах, проблемах, удовлетворенности жизнью сельчан практически отсутствует. В этой связи органы исполнительной власти различного уровня вынуждены принимать решения в отношении жизни сельского населения, основываясь на данных отраслевой, сугубо экономической статистики. Если мы попытаемся в составе открытой информации выявить сведения о социальных процессах, то будет очевидно, что сбор информации о состоянии села носит эпизодический характер, присутствует нерациональное дублирование. Так, например, в обследовании жилищного фонда имеется несколько вариантов обследования и видов показателей.

Ниже для сравнения приведены некоторые статистические данные, формируемые указанными федеральными министерствами и ведомствами.

Таблица 1

Благоустройство жилищного фонда*
(на конец года; в процентах)

Год	Удельный вес общей площади, оборудованной						
	водопроводом	водоотведением (канализацией)	отоплением	ваннами (душем)	Газом (сетевым, сжиженным)	горячим водоснабжением	напольными электроплитами
<i>Весь жилищный фонд</i>							
1995	71	66	68	61	69	55	15
2000	73	69	73	64	70	59	16
2001	74	70	75	64	70	61	16
2002	74	70	75	64	70	61	17
2003	75	70	75	65	70	61	17
2004	75	71	76	65	70	62	17
2005	76	71	80	65	70	63	17
2006	76	72	81	66	70	63	18
<i>Сельский жилищный фонд</i>							
1995	35	24	23	20	73	12	2
2000	39	30	37	24	74	17	3
2001	40	31	40	24	74	19	3
2002	41	31	41	24	75	19	3
2003	41	32	41	25	75	20	3
2004	42	33	44	25	75	20	3
2005	43	34	52	26	75	22	3
2006	44	34	54	26	75	22	3

* По данным Росстата. Статистическое наблюдение за благоустройством городского жилищного фонда ведется с 1980 г., сельского - с 1993 г.

⁸ Если мы обратимся к практике работы власти с сельским населением в эпоху СССР, то здесь можно отметить Всесоюзное социологическое исследование, ежегодно проводимое на предприятиях сельской местности и среди сельского населения вплоть до конца 1980-х годов по теме «Труд, досуг, здоровье». В настоящий момент Российская Федерация - единственная страна, которая отказалась от проведения планового (в рамках раунда ФАО ООН - 2010) проведения очередной сельскохозяйственной переписи.

Таблица 2

Целевая программа «Социальное развитие села до 2010 г.» (жилищное развитие села)*

Наименование целевого индикатора	Планируемое и достигнутое значение показателя (план 9 мес. / факт 9 мес.)	Причина невыполнения целевого индикатора	Принимаемые меры по устранению невыполнения
Введение в действие жилых домов, тыс. кв. м	485/456,1	Долгое оформление (от 1 до 3-х месяцев) гражданами-получателями государственной поддержки документов разрешения на ввод в эксплуатацию жилого помещения после его приемки комиссией, справки о регистрации в БТИ и регистрации жилого помещения в собственность всех членов семьи, указанных в свидетельстве о предоставлении господдержки на строительство (приобретение) жилья. В отчете показаны только оформленные надлежащим образом жилые помещения.	
Доля семей, улучшивших свои жилищные условия, в %	5,4/5,0		
Введение в действие жилых домов для молодых семей и молодых специалистов, тыс. кв. м	225/370,4		
Обеспеченность жильем молодых семей и молодых специалистов на селе, в %	3,18/5,1		

* По данным Минсельхоза России.

Примечание: Программой предусмотрена реализация поставленных на 2007 г. задач за счет выполнения основных индикаторов и показателей. Поквартальная разбивка индикаторов и показателей согласована с Минэкономразвития России (письмо от 10.07.2007 № 10058-ВС/Д17).

Таблица 3

Развитие инфраструктуры сельской местности*

	1992	1995	2000	2003	2004	2005	2006	2007
Ввод в действие в сельской местности: водопроводных сетей, км	2939,9	1607,6	636,4	1009,3	796,8	978,8	1159,6	1267,3
газовых сетей, тыс. км	8,3	16,5	16,2	15,3	14,9	13,8	11,4	14,8
АТС, тыс. номеров	148,5	130,1	148,4	323,9	572,5	476,6	283,4	560,3
линий электропередачи для электрификации сельского хозяйства, тыс. км: напряжением 0,4 кВ	11,0	5,8	2,7	4,3	4,4	4,0	3,8	4,1
напряжением 6-20 кВ	16,1	6,9	3,0	3,8	3,6	3,3	2,9	3,3
автомобильных дорог с твердым покрытием, км: местных	5942	6856	5626	2362	1775	1790	1661	1931
ведомственных и частных в сельском хозяйстве	20140	1917	327,3	143,0	81,0	74,4	32,5	29,7

* По данным Росстата.

Таблица 4

Развитие сельской инфраструктуры*

Наименование целевого индикатора	Планируемое и достигнутое значение показателя (план 9 мес. / факт 9 мес.)	Причина невыполнения целевого индикатора	Принимаемые меры по устранению невыполнения
Реконструкция и техническое перевооружение линий электропередачи, км: напряжением 0,38 кВ	135/113,72	В январе-сентябре объекты электрификации не финансировались. К реализации данного мероприятия Минсельхоз России приступил после утверждения в установленном порядке Перечней строек и объектов для федеральных государственных нужд распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2007 г. № 1454-р.	Минсельхоз России приступил к заключению договоров с субъектами Российской Федерации о реализации программных мероприятий и финансированию мероприятий
напряжением 6-10 кВ	-/61,46		
Реконструкция и техническое перевооружение ТП 6-10/0,4 кВ, шт.	-/4		
Введение в действие распределительных газовых сетей среднего и низкого давления, км	413/884,59		
Газификация домов, квартир, единиц	5370/15972		
Введение в действие газонаполнительных станций и газонаполнительных пунктов, шт.			
Введение в действие локальных водопроводов, тыс. км	0,14/0,14		

Наименование целевого индикатора	Планируемое и достигнутое значение показателя (план 9 мес. / факт 9 мес.)	Причина невыполнения целевого индикатора	Принимаемые меры по устранению невыполнения
Введение в действие станций водоподготовки и систем водоотведения, тыс.куб.м/сут.	0,4/3,4		
Введение в действие емкостей телефонной сети, тыс. номеров	15/20,97		
Приведение в нормативное техническое состояние ведомственных автомобильных дорог, связывающих сельские населенные пункты, км	-/9,71		
Введение в действие автомобильных дорог общего пользования, связывающих сельские населенные пункты, км	-/129,3		

* По данным Минсельхоза России.

Сравнительный анализ таблиц⁹ показывает, что данные не коррелируют между собой как по содержанию показателей и единицам измерения, так и по периодичности сбора данных, по форме их представления. При этом информации о том, как бы хотели жить наши сельские сограждане, устраивают ли их происходящие изменения, видят ли они результаты ФЦП на местах, и как эти изменения сказались на жизни конкретного сельского жителя, - мы не имеем. Также не работает и принцип дополняемости. Сведения Минсельхоза России о вводе в строй новых подстанций в количестве 4 шт. (см. таблицу 4) и данные Росстата об общем уменьшении мощностей (в кВт, в связи со старением и выходом из строя подстанций, см. таблицу 3) электроснабжения не позволяют сделать однозначного вывода об улучшении/ухудшении ситуации с энергетикой села. Данные о газификации этих двух ведомств также находятся в противоречии. Сведения Росстата дают представление об удельном весе на некотором объеме жилой площади; Минсельхоз России собирает информацию о вводе газовых сетей в единицах измерения - километрах. Причем если в первом случае сведения накапливаются с 1995 г., то во втором приводятся только текущие цифры. При этом само отношение сельчан к проводимой газификации и возможности использования ими данного блага не изучается.

Нерешенность классической для современного государственного управления проблемы межведомственного взаимодействия в сфере информации кроется в борьбе между министерствами и ведомствами за ресурсы. Кроме того, любой показатель и его динамика - это форма контроля достижений. Они должны быть максимально непредвзяты. На деле же мы имеем информационные портфели министерств, которые, на первый взгляд, широко дополняют друг друга, а в итоге,

наоборот, размывают достоверность сведений о состоянии обследуемых явлений и процессов. Реализация принципа дополняемости информационных массивов, на котором построены все современные внутриведомственные обследования в Российской Федерации, весьма критикуема. Здесь надо учитывать, что подобные многоуровневые базы данных требуют высокого профессионализма в обработке и технологичности и могут быть сформированы только специализированными ведомствами, в нашем случае - Росстатом. Этого требует необходимость гарантированности и пригодности информации для принятия социально ответственных государственных решений. При таком централизованном подходе проблема межведомственного взаимодействия нивелируется: нет необходимости внутриведомственного ситуационного сбора информации и частичного несистемного обмена ею, меняются структура взаимоотношений между ведомствами: государственные службы могут выступать Заказчиками обследований и анализов для Росстата, а также координаторами при разработке содержания обследований и учета специфики обследуемых объектов (субъектов). Это консолидирует и оптимизирует государственные расходы на получение данных, необходимых для принятия решений. Подобная централизация позволит также избежать дублирования в сборе информации, ошибок в выборках, низкой репрезентативности данных, несопоставимости сведений, необходимых для сравнительного анализа.

Не вызывает сомнения тезис о том, что любой крупный национальный проект (Здоровье, Образование, Развитие АПК) предполагает наличие в его структуре специализированного статистического наблюдения, но в условиях декларируемого социального государства подобные проекты также требуют параллельного социологического мониторинга. Только в этом случае мож-

⁹ Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Официальный интернет-портал. Федеральные целевые программы. ФПЦ «Социальное развитие села до 2012 года». Отчетность. <http://www.mcх.ru/dokuments/document/show/3653.172.htm>. дата публикации 18.08.2008; Федеральная служба государственной статистики. Население. Жилищные условия. <http://www.gsk.ru>

но гарантировать результат и эффективность вложений, поскольку любая социальная деятельность есть основа развития экономики, а любые экономические проекты - база для развития социальности.

Таким образом, формирование единой системы наблюдения за социальным развитием в условиях социального государства лежит в плоскости решения следующих задач:

- методологическая модернизация статистики в условиях социального государства;
- статистическое сопровождение ФЦП и национальных проектов только средствами Росстата и его территориальных органов;
- сочетание статистических и социологических методов исследования в соответствии с международными тенденциями в оценке социального прогресса и качества жизни.

Литература

1. **Колодина Н.Ф.** Статистические сравнения сельскохозяйственных предприятий: диссертация. Оренбург, 2005. - 174 с.

2. **Проживин Р.А.** Статистические методы информационного обеспечения и моделирования сбалансированной системы показателей развития региона: на примере Самарской области: автореферат дис. канд. экон. наук. Самара: Изд-во Самарского государственного экономического университета, 2008. - 21 с.

3. Приоритетные национальные проекты: цифры, факты, документы. М.: Изд-во «Европа», 2007. - 152 с.

4. **Ряузов Н.Н., Романов А.Н.** Развитие социально-экономической статистики: избранные труды. М.: Наука. 2009. - 258 с.

5. Социологические методы в исследовании социально-экономических процессов: материалы региональной научно-практической конференции, 21-22 марта 2002 г. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2002. - 203 с.

6. Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект/ научные труды ВИАПИ им. А.А. Никонова, под общей ред. А.В. Петрикова. М.: Изд-во ЭРД, 2009.

7. Эмпирические социологические исследования в СССР (1981-1982 гг). Каталог. М.: ИСИ, 1985. - 102 с.

8. **Joseph Stiglitz.** Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. <http://www.oecdobserver.org>

КАКУЮ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ИМЕЕТ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В РОССИИ?

Л.А. Родионова, канд. экон. наук,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Россия является многонациональной страной: в ней проживают представители более 160 национальностей. Самыми многочисленными народами после русских, численность которых составляет 79,8%, являются татары, украинцы, башкиры, чуваша, чеченцы и др. Многонациональное сообщество требует осмысления социально-этнических процессов. Каждая этническая группа имеет свою культуру, язык, религию и право на самоопределение. Важно знать и анализировать субъективную значимость каждой этнической идентичности и ее влияние на социально-экономические явления, происходящие в обществе: как взаимодействуют между собой различные этнические группы; влияют ли установки межэтнических отношений и этническая идентичность населения на его поведение на рынке труда; различается ли заработная плата представителей различных этнических групп; можно ли сказать, что этническая идентичность является ключевым фактором, формирующим заработную плату работника. Ответы на эти вопросы пока остаются открытыми.

В мире существует огромное количество публикаций на заданную тему. Как правило, когда встает вопрос о межнациональных различиях в оплате труда, то всегда параллельно затрагивается вопрос о дискриминации. Недопустимость дискриминации в отношении национальных меньшинств является общепризнанным принципом в международно-правовой практике¹, однако большой интерес к данной проблеме и возрастающее количество публикаций по проблеме дискриминации в зарубежных исследованиях свидетельствуют о наличии неравных возможностей представителей различных этнических меньшинств на рынке труда.

Обзор литературы. Различия в заработной плате, дискриминация и сегрегация на рынке труда интенсивно изучаются во всем мире с 1960-х годов, особенно пристально - проблемы гендерной дискриминации и вопросы дискриминации по признаку цвета кожи. Родоначальником исследований в области расовой дискриминации принято считать Г. Беккера, который в своей работе в 1957 г. [4] впервые оценил всевозможные

¹ Всеобщая декларация прав человека, 1948, ст.7.

формы и региональные разновидности расовой дискриминации в США и большинстве стран мира, на основе аналитических моделей обосновал экономическую невыгодность расовых предрассудков.

Впоследствии много работ было посвящено построению и интерпретации показателей дискриминации, например работы [2, 7, 8]. Общеизвестный и общепринятый эконометрический подход для измерения эффекта дискриминации в заработной плате был предложен в 1973 г. зарубежными исследователями А. Блиндером и Р. Оаксакой [6, 12] и широко используется в современных эмпирических исследованиях.

Зарубежные публикации последних лет можно разделить на две большие части: в первой исследуются различия в заработной плате в зависимости от этнической принадлежности, например [3, 14], вторая часть работ посвящена дискриминации при найме, так называемые «полевые эксперименты», например [5, 9, 13]. Исследования последних лет показывают, что по-прежнему во многих странах мира имеет место дискриминация по расовой принадлежности, по цвету кожи, а результаты полевых экспериментов в США, Швеции и других странах свидетельствуют о том, что при найме работника существенным является его этническая принадлежность. Проблемы этнической дискриминации обсуждались также и в странах с переходной экономикой [1, 10], которые также показывают определенные проблемы на рынке труда, связанные с этнической принадлежностью. Лишь в немногих работах говорится, что существующие различия в заработной плате связаны с индивидуальными характеристиками и способностями работников [18, 16].

В России интерес к проблемам различий в заработной плате появился в 1990-е годы. Основные отечественные исследования, как правило, посвящены гендерной дифференциации заработной платы и сегрегации [22, 23, 24, 25 и др.]. Проблемы этнических групп и их этнической идентичности обсуждались в ряде работ этносоциологов [19, 27, 28 и др.].

Теоретическое обоснование проблемы. Классическое объяснение дискриминации в заработной плате было дано Г. Беккером [4]. В модели дискриминации Г. Беккера работодатели имеют субъективное отношение (необоснованные положительные или отрицательные чувства) к определенным группам людей, например этническим меньшинствам. Работодатель готов нести издержки, чтобы воздержаться от экономического взаимодействия с индивидами, отличающимися от него цветом кожи, полом или этнической принадлежностью. Неприязнь к определенным группам приводит к дискриминации по заработной плате. Второй подход к объяснению дискриминации - информационная асимметрия и статистическая дискриминация, предложенный Л. Туроу и Фелпсом [15, 17], согласно которому потенциального работника оценивают с учетом средних ха-

рактеристик группы, к которой он относится, в большей степени, чем на основании его собственных характеристик. В результате работодатель принимает решение о найме работников с учетом таких критериев, как раса, пол, возраст. Третий подход к изучению теории этнической дискриминации - теория сегрегации рынка труда [например, 11, 24, 25].

Эмпирические методы оценивания. Для эмпирической проверки теории дискриминации на рынке труда существует два широко используемых в исследованиях метода. Один из методов - оценка уравнения заработной платы в зависимости от социально-демографических характеристик индивида (образования, опыта, возраста и т. д.) и фиктивной переменной, определяющей принадлежность к определенной этнической группе. В случае, когда коэффициент для дамми-переменной является статистически значимым, то это может быть потенциальным показателем различий в заработной плате на рынке труда. Эконометрическая модель (в форме уравнения Минцера) имеет вид:

$$\ln w_{it} = b_t + D_i \alpha_t + x_{it} \beta_t + \varepsilon_{it},$$

где w_{it} - ставка почасовой заработной платы индивида i в момент времени t ;

x_{it} - вектор наблюдаемых характеристик индивида;

D_i - фиктивная переменная, характеризующая принадлежность к этнической группе; ε_{it} - случайный член.

Оценки данной модели могут быть найдены различными методами: МНК, с помощью процедуры Хекмана, методами анализа панельных данных и др.

Другой широко используемый метод - разложение Блиндер-Оакса, позволяющее установить наличие неравенства между двумя этническими группами. Предложенный метод основывается на предположении о том, что если дискриминация отсутствует, то оценки влияния характеристик работников на их заработные платы будут одинаковы для всех групп. Дискриминация проявляется, если наблюдаются различия в оцененных коэффициентах [6, 12, 20]. Математическая модель имеет вид:

$$\overline{\ln w_1} - \overline{\ln w_2} = b_1 (\overline{X_1} - \overline{X_2}) + \overline{X_2} \Delta b,$$

где среднее различие в логарифмах заработков двух этнических групп раскладывается на две составляющие: эффект различий в средних характеристиках этих групп и эффект от дискриминации, которая выражается в различии между оцененными коэффициентами регрессии. В модели: w - вектор заработной платы; X - матрица объясняющих переменных (возраст, образование, опыт и т. д.). Наборы объясняющих переменных одинаковы для обеих групп.

Таким образом, в основе изучаемой проблемы лежит классическая экономическая теория, для эмпирической проверки различий в заработной плате существует многообразная палитра статистических методов.

Почему до сих пор исследователи в России не ответили на все «острые» вопросы, связанные с межэтническими взаимоотношениями, так пристально интересующие журналистов и политиков, и все общество в целом? Остановимся на указанной проблеме более подробно.

Данные для анализа межнациональных различий в оплате труда. Какими данными располагает исследователь в России? Одним из доступных опросов является ESS - Европейское социальное исследование изменений установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы², в котором население России было опрошено в 2006, 2008 и 2010 гг. Европейское социальное исследование проводится с 2001 г. каждые два года в 28 европейских странах. Объем выборки составляет более 30000 респондентов во всех странах, 1500-3000 респондентов в каждой стране. Доступ к данным является свободным, через электронный сайт Норвежского Архива данных социальных наук. В анкетах опроса присутствует вопрос о национальности респондента, но нет необходимой информации о его заработной плате.

Следующей базой данных, которую потенциально можно использовать для настоящего исследования, является НОБУС - национальное обследование благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах, проведенное в 2003 г. В ходе обследования было опрошено 45 тыс. домохозяйств в 46 специально отобранных по ряду признаков субъектах Российской Федерации. Существенным минусом данного опроса является отсутствие вопроса о национальности респондента, что делает результаты данного опроса неприменимыми в рамках нашего исследования.

И наконец, третьей базой данных, в которой есть вопросы и о заработной плате респондента, и о его национальности, является Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ)³. Но при анализе данных РМЭЗ возникает ряд проблем, которые обсудим более подробно.

Проблемы анализа межнациональных различий по данным РМЭЗ. В настоящем исследовании использовались данные за 2000-2009 гг. Для анализа были выбраны респонденты в возрасте 15-72 лет (трудоспособный возраст по определению МОТ), не переезжавшие в период 2000-2009 гг. Для изучения проблем этничности необходимо знать национальность респондента, которая определялась на основе вопроса: «Кем вы себя считаете по национальности?». В 2000 г. на дан-

ный вопрос ответили 2648 респондентов; не дали ответа 20 респондентов; «затрудняюсь ответить» - только 3 (это всего 0,9% всех опрошенных). Так как респондент указывает свою этническую принадлежность на основе свободного выбора - при интервью у респондента не спрашивают документ, подтверждающий его национальность, то такие результаты указывают на значимость этнической идентичности представителей разных национальностей. Отметим, что в данных РМЭЗ 2000 г. присутствуют только 25 национальностей, тогда как в данных переписи 2002 г. - более 160 национальностей. Но даже 25 национальностей необходимо проанализировать и преобразовать, чтобы использовать описанную выше методологию.

Вторая сложность, которая возникает при анализе данных РМЭЗ, - это нерепрезентативность данных относительно регионов России. Так, выборка за 2000 г. представлена респондентами только из 32 регионов Российской Федерации.

Представленные в РМЭЗ национальности были сгруппированы в титульные группы. На основе переписи 2002 г.⁴ был проанализирован национальный состав каждого представленного в выборке РМЭЗ региона, выделены наиболее многочисленные этнические группы в каждом регионе и построены «титульные группы». В общем, этносоциологи к титульным народам обычно относят народы, имеющие на территории России свои национально-территориальные образования и дающие название российским республикам. Это определение используется и в нашей работе. Так, по данным РМЭЗ, удалось выделить лишь некоторые «титульные народы», которые дают название республикам: кабардинцы и балкарцы (Кабардино-Балкарская Республика); коми (Республика Коми); чуваш (Чувашская Республика); татары (Республика Татарстан); удмурты (Удмуртская Республика). Остальные 26 регионов, где преобладает русское население, были условно названы «русскими регионами». К «русским регионам» были отнесены: г. Санкт Петербург, Ленинградская область, г. Москва, Московская, Смоленская, Тверская, Тульская, Калужская, Волгоградская, Ростовская области, Краснодарский и Ставропольский края, Нижегородская, Пензенская, Липецкая, Тамбовская, Саратовская, Оренбургская, Пермская, Челябинская, Курганская и Томская области, Алтайский, Красноярский Приморский края, Амурская область. Отметим, что в данных РМЭЗ отсутствуют как титульные народы башкиры, чеченцы, мордва и др. из-за того, что в выборке отсутствуют соответствующие ре-

² Подробности опроса на сайте <http://www.ess-ru.ru/341.html>

³ РМЭЗ НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms> и <http://www.hse.ru/rfms>).

⁴ <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>

гионы: Республика Башкортостан, Чеченская Республика, Республика Мордовия.

Проанализируем более подробно национальный состав полученных титульных регионов. Сопоставим данные РМЭЗ и Росстата.

Кабардино-Балкарская Республика. По данным РМЭЗ, национальный состав республики представлен только тремя национальностями: русскими - 3,8%, кабардинцами - 82,7% и балкарцами - 13,5% (см. рис. 1). Однако данные переписи 2002 г. показывают, что на территории Кабардино-Балкарской Республики проживают также, например, осетины - 1,1%, турки - 1% и др., которые совсем не представлены в данных РМЭЗ.

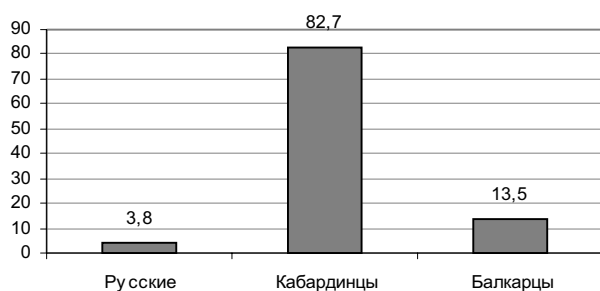

Рис. 1. Национальный состав Кабардино-Балкарской Республики (РМЭЗ) (в процентах)

Республика Татарстан. По данным РМЭЗ, национальный состав республики представлен только двумя национальностями: русскими - 47,1% и татарами - 52,9%. Однако данные переписи 2002 г. показывают, что на территории Республики Татарстан проживают также чуваша - 3,3%, удмурты - 0,6, украинцы - 0,6% (а также представители свыше 115 национальностей).

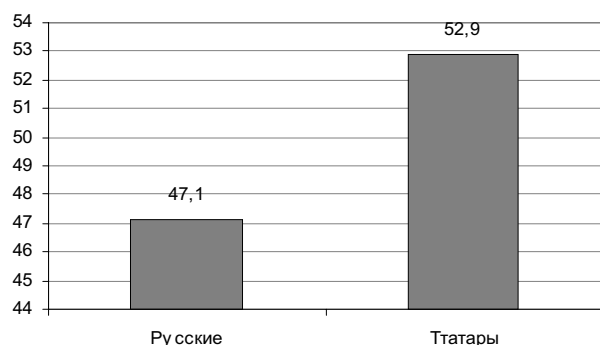

Рис. 2. Национальный состав Республики Татарстан (РМЭЗ) (в процентах)

«Русские регионы». Национальный состав «русских регионов» очень разнообразен, но подавляющее большинство представляют русские - 94,4%, украинцы - 1,4, армяне - 1,1, татары - 1%, остальные национальности представлены менее 0,5%. Но данные РМЭЗ не опи-

сывают всего этнического многообразия, представленного официальной статистикой.

Отметим, что особенностью «русских регионов», Кабардино-Балкарской Республики и Республики Татарстан является то, что в данных регионах «титульное население» является большинством. Далее все респонденты были разделены внутри своего региона на титульные и нетитульные группы, и сопоставлены данные РМЭЗ и Росстата (см. таблицу 1). Из таблицы 1 видно несоответствие данных РМЭЗ и Росстата.

Таблица 1

Соотношение титульного и нетитульного населения в «русских регионах», Республике Татарстан и Кабардино-Балкарской Республике (по данным РМЭЗ и Росстата; в процентах)

	Титульное население	Нетитульное население
Русские регионы		
Росстат	89,2	10,8
РМЭЗ	94,4	5,6
Республика Татарстан		
Росстат	52,9	47,1
РМЭЗ	52,9	47,1
Кабардино-Балкарская Республика		
Росстат	66,9	33,1
РМЭЗ	96,2	3,8

Анализ национального состава показывает, что присутствует расхождение между численностью населения по данным Росстата и РМЭЗ. В «русских регионах» представителей русского населения на 5,2% больше по данным РМЭЗ, чем по данным переписи 2002 г. Отметим, что численность русских по данным переписи населения 2002 г. рассчитывалась как среднее значение процента русского населения по 26 регионам, вошедшим в группу «русские регионы» по данным РМЭЗ, и составило 89,2%. По данным Росстата, наибольшее количество русских проживает в Тамбовской области - 96,5%, Липецкой - 95,8, Тульской - 95,2, Нижегородской - 95%, наименьшее количество русских проживает в Челябинской области - 82,3%, Ставропольском крае - 81,6, Оренбургской области - 73,9%. В Республике Татарстан картина национального состава, по данным РМЭЗ и Росстата, точно совпадает. В Кабардино-Балкарской Республике наблюдается наибольшее расхождение в данных РМЭЗ и Росстата. По данным РМЭЗ кабардинцы и балкарцы составляют 96,2%, по данным переписи 2002 г. - всего 66,9%.

Республика Коми. Национальный состав Республики Коми в данных РМЭЗ представлен весьма разнообразно: русские составляют 59,2%, коми - 26,2, татары - 4,9%, украинцы - 3,9, белорусы - 2,9, чуваша - 2,9%. В целом национальный состав по данным РМЭЗ и Росстата совпадает, если рассматривать наиболее многочисленные национальности.

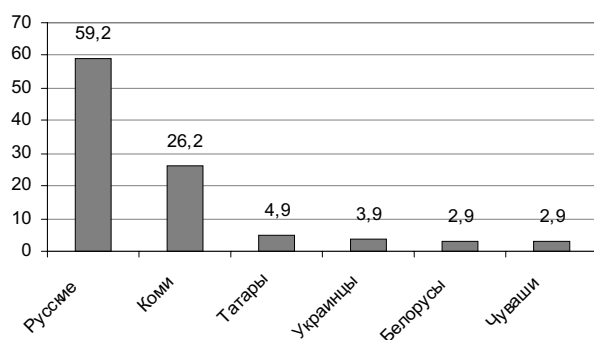

Рис. 3. Национальный состав Республики Коми (РМЭЗ) (в процентах)

Удмуртская Республика. По данным РМЭЗ, национальный состав республики представлен тремя национальностями: русскими - 53,9%, удмуртами - 36,5 и татарами - 9,6%. Данные переписи 2002 г. показывают, что на территории Удмуртской Республики проживают также украинцы - 0,7%, марийцы - 0,6% и др.

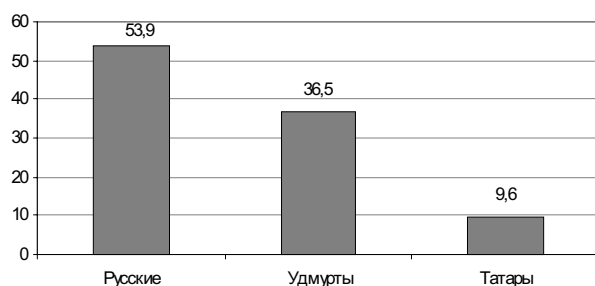

Рис. 4. Национальный состав Удмуртской Республики (РМЭЗ) (в процентах)

Чувашская Республика. По данным РМЭЗ, национальный состав республики представлен четырьмя национальностями: русскими - 59,3%, чувашами - 36,0, татарами - 3,5 и мордвой - 1,2%. Данные переписи 2002 г. показывают, что на территории Чувашской Республики проживают также украинцы, составляющие 0,5% населения, и др., которые совершенно не представлены в данных РМЭЗ.

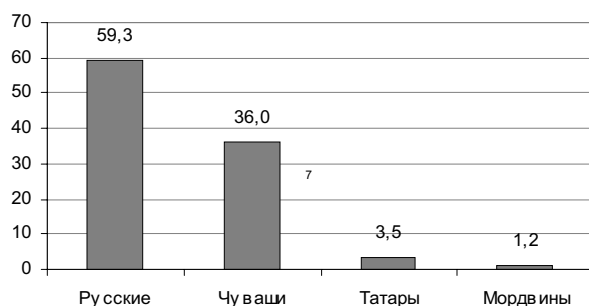

Рис. 4. Национальный состав Чувашской Республики (РМЭЗ) (в процентах)

Есть ли что-то общее в национальном составе Республики Коми, Удмуртской и Чувашской республик? Эти регионы отличаются по своему национальному составу от предыдущей рассмотренной группы тем, что «титularyное» население не является здесь большинством: национальность коми составляют только 26,2% населения Республики Коми, удмурты - 36,5% населения Удмуртской Республики, чувашаи - 36% населения Чувашской Республики. Сопоставим состав титульного и нетитульного населения по данным РМЭЗ и Росстата (см. таблицу 2).

Таблица 2

Соотношение титульного и нетитульного населения в Республике Коми, Чувашской и Удмуртской республиках (по данным РМЭЗ и Росстата; в процентах)

	Титульное население	Нетитульное население
Республика Коми		
Росстат	25,2	74,8
РМЭЗ	26,2	73,8
Чувашская Республика		
Росстат	67,7	32,3
РМЭЗ	36	64
Удмуртская Республика		
Росстат	29,3	70,7
РМЭЗ	36,5	63,5

Анализ национального состава в данных республиках также показывает расхождение между численностью титульного и нетитульного населения по данным Росстата и РМЭЗ. В Удмуртской Республике удмуртов (титульного населения) на 7,2% больше по данным РМЭЗ, чем по данным переписи 2002 г. В Республике Коми национальный состав по данным РМЭЗ и Росстата практически совпадает. В Чувашской Республике наблюдается наибольшее различие в данных РМЭЗ и Росстата. По данным РМЭЗ, чувашаи составляют всего 36%, по данным переписи 2002 г. - 67,7%.

Итак, далее будем анализировать «титularyные регионы», в которых «титularyная» нация репрезентативно представлена в данных РМЭЗ: «русские регионы», Республика Татарстан, Республика Коми, Удмуртская Республика. Чувашская Республика и Кабардино-Балкарская Республика были исключены из дальнейшего анализа ввиду больших расхождений с национальным составом по данным переписи 2002 г.

Следующий вопрос, который нас интересовал, - это заработная плата и социально-демографические характеристики, влияющие на заработную плату в различных регионах. Различаются ли заработные платы представителей титульных и нетитульных народов? Была проанализирована динамика заработных плат по выделенным регионам за 2000-2009 гг. Рисунки показывают неоднозначную картину.

«Русские регионы». Динамика заработной платы в «русских регионах» за период 2000-2009 гг. показы-

вает незначительный разрыв в заработной плате между русскими и другими национальностями.

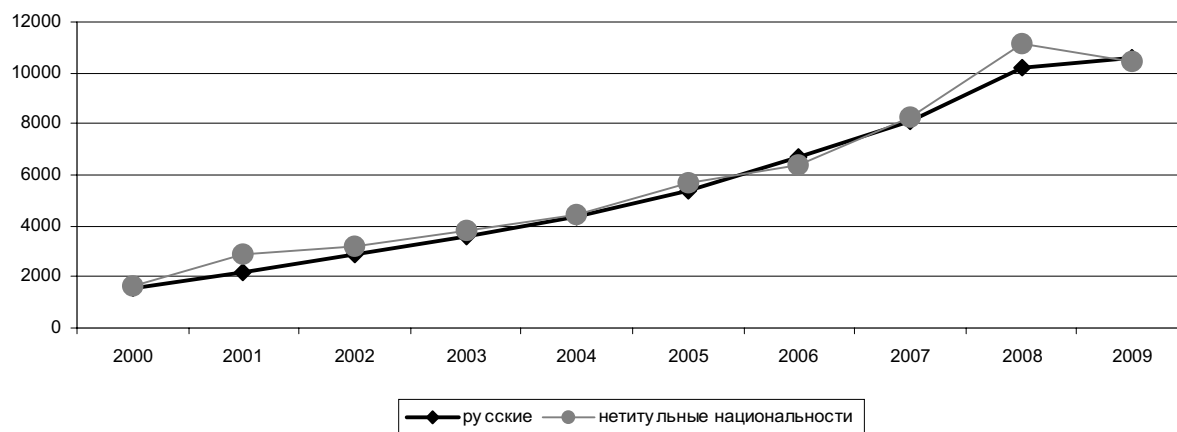

Рис. 6. Средняя заработная русских и нетитульных народов в «русских регионах» за 2000-2009 гг. (РМЭЗ) (рублей)

Уровень образования русских и нетитульных народов несколько различается (см. рис. 8): начальное, незаконченное среднее образование среди нетитульного населения имеют 23,4%, среди русских - только 17,6%; среднее специальное образование среди русских имеют несколько больше (27,5%), чем среди нетитульного

населения (25,16%); высшее: среди русских - 18,13%, среди нетитульного населения - всего 14,76%. Следовательно, можно сделать вывод, что в среднем русские в «русских регионах» имеют более высокий уровень образования.

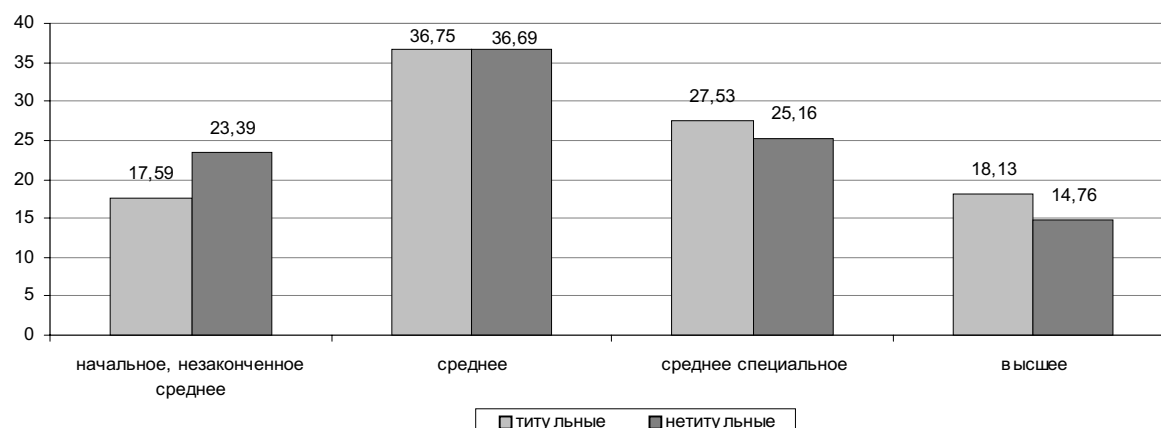

Рис. 7. Уровень образования русских и нетитульных народов в русских регионах за 2000-2009 гг. (РМЭЗ) (в процентах)

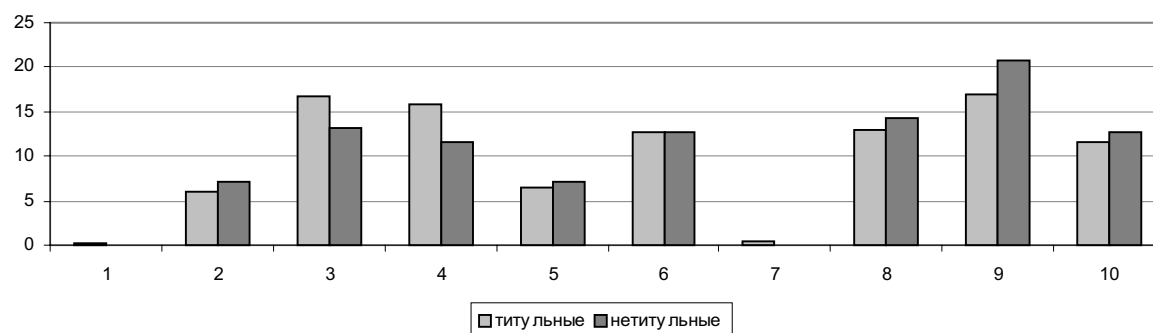

Рис. 8. Профессиональный статус русских и нетитульных народов в «русских регионах» за 2000-2009 гг. (РМЭЗ) (в процентах)

Примечание:

- 1 - военнослужащие
- 2 - законодатели, крупные чиновники, управляющие
- 3 - профессионалы с высшим образованием
- 4 - профессионалы со средним специальным образованием
- 5 - служащие конторские и по обслуживанию клиентов

- 6 - занятые в сфере обслуживания
- 7 - квалифицированные работники (сельское хозяйство; рыбная промышленность)
- 8 - ремесленники
- 9 - промышленные рабочие
- 10 - разнорабочие

По профессиональному статусу русские и представители нетитульных национальностей наиболее сильно различаются в группе специалистов с высшим и средним специальным образованием на 3 и 4% соответственно в пользу русских. Нетитульное население в русских регионах в основном является промышленными рабочими - 20,8% (русские - 17%). Среди нетитульного населения совершенно отсутствуют военнослужащие и квалифицированные работники в сельском хозяйстве и рыбной промышленности.

Аналогичный анализ был проведен для остальных регионов. Остановимся на основных выводах. Полученный предварительный анализ соответствует исследованиям, полученным Л.М. Дробижевой [27], о том, что существует три типа социальной динамики взаимодействия групп в республиках. Первый: этнические группы имеют сходную динамику («развиваются вместе и вровень»); второй: титульная группа значительно «опережает» русских в темпах и численности доли высококвалифицированного труда («опережающее развитие»); третий: «догоняющее развитие», когда титульная группа «уступает» нетитульному населению. В исследовании Л.М. Дробижевой к первому типу относятся республики: Татарстан, Адыгея, Горный Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесия, ко второму - Саха (Якутия), Бурятия; к третьему - Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карелия, Мордовия, Тыва, Удмуртия, Чувашия. Анализируя заработную плату, образование и профессиональный статус в выделенных титульных регионах (по данным РМЭЗ), можно сделать вывод, в соответствии с предложенной классификацией, что «русские регионы» и Татарстан относятся к первому типу, Удмуртия и Коми - к третьему типу. Таким образом, данные РМЭЗ подтверждают существующую тенденцию социальной динамики взаимодействия различных национальных групп, выявленную в исследованиях российских этносоциологов. Однако провести более детальный анализ, получить адекватные выводы, ответить на вопросы относительно межнациональных различий в оплате труда не представляется возможным из-за нерепрезентативности данных РМЭЗ относительно регионов и национального состава населения Российской Федерации. Таким образом, вопрос «Существуют ли межнациональные различия в оплате труда в России?» остается открытым, а отсутствие хороших данных для анализа не дает возможности нарисовать объективную картину происходящих в стране социально-этнических процессов.

Литература

1. Aasland A., Flotten T. Ethnicity and Social Exclusion in Estonia and Latvia // *Europe-Asia Studies*, 2001. № 53(7). P. 1023-1049.
2. Aigner D.J., Cain G. Statistical Theories of Discrimination in Labor Markets // *Industrial and Labor Relations Review*. 1977. № 30:2. P. 175-187.
3. Arcand J., D'Hombres B. Racial discrimination in the Brazilian labour market: wage, employment and segregation // *Journal of International Development*, 2004. № 16(8). P. 1053-1066.
4. Becker G. The Economics of Discrimination. Chicago: University of Chicago Press, 1957.
5. Bertrand M., Mullainathan S. Are Emily and Greg More Employable than Lakisha and Jamal? A Field Experiment on Labor Market Discrimination. NBER. 2003. Working Paper №:9873.
6. Blinder A. Wage Discrimination: Reduced Form and Structural Estimates // *The Journal of Human Resources*. 1973. Vol. 8. No. 4.
7. Bloom D., Killingsworth M. Pay discrimination research and litigation: The use of regression // *Industrial Relations*. 1982. № 21. P. 318-339.
8. Cain G. Handbook of Labour Economics.: Ch. 13 in Ashenfelter and Layard (eds.) North Holland, 1986.
9. Carlsson M. Evidence of ethnic discrimination in the Swedish labour market using experimental data // *Labour Economics*. 2007. № 14. P. 716-729.
10. Constant A., Kahanec M., Zimmermann F. The Russian-Ukrainian Earnings Divide - IZA. 2006. Discussion Paper, №. 2330.
11. Groshen E.L. The Structure of the Female/Male Wage Differential: Is It Who You Are, What You Do, or Where You Work? // *Journal of Human Resources*. 1991. № 26, 3: P. 457-472.
12. Oaxaca R. Male-Female Wage Differentials in Urban Labour Markets // *International Economic Review*. 1973. № 14. P.693-709.
13. Pager D., Western B., Bonikowski Bart. Discrimination in a Low-Wage Labor Market: A Field Experiment. 2009. IZA: Discussion Paper №. 4469.
14. Pendakur K., Pendakur R. The Color of Money: Earnings Differentials among Ethnic Groups in Canada // *The Canadian Journal of Economics*. 1998. № 31 (3). P. 518-548.
15. Phelps E. The Statistical Theory of Racism and Sexism // *The American Economic Review*. 1972. № 62(4), P. 659-661.
16. Skhirtladze S. Does a Liberal Labor Law Increase Discrimination? The Evidence from Georgia // *Policy Research of ISET (International School of Economics at Tbilisi State University)*. 2008.
17. Thurow L.C. Generating Inequality. New York, 1975. p. 178.
18. Trejo S. Why Do Mexican Americans Earn Low Wages? // *The Journal of Political Economy*. 1997. № 105(6). P. 1235-1268.
19. Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // *Социологические исследования*. 2009. № 6. С. 38-44.
20. Беридт Э.Р. Практика эконометрики: классика и современность: Учебник для студентов вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 175-259.
21. Всеобщая декларация прав человека, 1948, ст. 7.
22. Лукьянова А.Л. Дифференциация заработных плат в России (1991-2008 гг.): факты и объяснения // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2011. № 12. С. 124-149.
23. Лукьянова А.Л. Динамика и структура неравенства по заработной плате (1998-2005 гг.). Препринт ГУ-ВШЭ WP3/2007/06.
24. Мальцева И.О., Рошин С.Ю. Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.
25. Ощенко А.Ю. Гендерные различия в оплате труда // *Заработная плата в России: эволюция и дифференциация*. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 250-297.
26. Российский статистический ежегодник. 2009: Стат.сб./Росстат. - М., 2009.
27. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Academia, 2002.
28. Татарко А.Н. Культурно-психологические особенности социального капитала этнических групп России // *Психологический журнал*. 2009. Т. 30. № 2. С. 67-80.